

Фелисетт

Автор:

Никита Чирков

Фелисетт

Никита Владимирович Чирков

Вектор #4

«Фелисетт» – это одинокое строение на далекой планете Аттон. Когда-то оно было возведено втайне от всего мира, но так и не исполнило изначальное, уже забытое предназначение. И вот сейчас, спустя сотню лет, на восстановление этого места отправляется небольшая группа, возглавляемая расчетливым Холдом Хобером. Его правой рукой выступает Август, исполнительный и верный протеже. Он впервые взял в командировку свою единственную дочь Нору, на чем твердо и без объяснения причины настоял Холд. Но главная странность состоит в назначении на проект Нила – сына Холда, с которым тот не виделся десять лет. Всем им, несмотря на сложные эмоциональные отношения, придется преодолеть упрямство характеров ради выживания на «Фелисетте», где они, как вскоре выяснится, оказались далеко не просто так.

Никита Чирков

Фелисетт

В какую ложь поверить?

Неосведомленный ум влегкую ошибется, сделав поспешный вывод о том, что перед ним находится не живой человек, а строго выполненный из камня памятник. Даже более того: поверить, что перед нами на самом деле персона с самыми густыми и от того трудно контролируемые в обуздании чувствами, – опрометчивый и рискованный шаг для любого пари, которого, к счастью, никто делать не будет. Так вот, историю мы начинаем именно с этого человека не просто так, уж точно не для удобства повествования. Отдельно стоит подчеркнуть: рядом с ним на космическом корабле «Шарлотта» присутствуют во много раз более приятные для знакомства личности, как минимум в сравнении, но раскрытию их еще будет посвящено время. Холд Ховер – так зовут нашего героя – против своей воли берет роль проводника в эту историю как раз из-за прямой причастности к ее существованию. Транспорт, персонал, ресурсы, техническое обеспечение, разрешения и допуск, не говоря уже о заготовках на будущее, – организация всего этого и даже большего предшествовала данному моменту строго из-под его руки. И вот сейчас, с молчаливым наблюдением того самого места, ради которого все затевалось, пришло полное осознание безвозвратности старой жизни, практически дорога... Только вот непонятно куда: в один конец – или же в новую, более светлую жизнь? Но эти вопросы, как, наверное, и любой из нас, Холд захотел оставить на потом. Ведь если ответ есть, то не будет ли это подстреканием ядовитого понимания безысходности? Пусть стратегическое мышление и являлось крепким фундаментом его мировоззрения, но все же приятно было порой адаптироваться по обстоятельствам, а сейчас это лучший и самый продуктивный инструмент. И вот, полноценно осознав отсутствие обратного пути, Холд остается один на один с давним?давно забытым животным страхом. Тяжелый взгляд на лице, изборожденном отчетливыми рытвинами морщин, прячет неопишемую борьбу между тем, кем ему хочется быть, и кем быть необходимо, а инструментом в угоду последнего является чувство безграничной вины.

В минуту этих размышлений у него получается сделать лишь единственный твердый, но от этого не менее досадный вывод: он ненавидит себя. Корень этого жгучего груза кроется в умении адаптировать гнев, цинизм и холод прагматичного ума под нужды быть стойким и готовым принимать любые, даже самые немыслимые решения, вместе с грядущими не менее тяжелыми последствиями. Таков он был в глазах многих людей: человек с бронированной кожей и стальным характером. Хотя на деле, о чем никто достоверно не знал, пусть догадки и имели место быть в тот или иной момент, Холд – заложник всех

вышеперечисленных и многих иных, но близких по смыслу черт порой ему же ненавистного характера. Бремя это с каждым годом удавалось нести все с большим трудом, а тут недавно, как-то совсем уж для него и неожиданно стукнуло шестьдесят пять лет. Умом он ощущал себя моложе, чем его тело позволяло чувствовать, – заметный животик, больные колени и локти, немного сутулые плечи, длинные седые волосы он зачесывал назад, а массивную бороду того же оттенка никогда не трогал, отчего она была жесткой и густой. К счастью, лицо и глаза играли ту самую компенсирующую роль, и даже неподготовленный человек лишней раз подумает о том, как и что говорить при Холде. Встретить свои шестьдесят пять он мечтал в ином месте и при других обстоятельствах, но все с теми же, окружающими его ныне людьми. Позволив себе отвлечься на наручные часы, Холд с трудом заставил себя завести будильник – должны сработать чуть меньше чем через сутки от нынешнего момента. Довольно трудно дается выбор между чуждой ему сентиментальностью и привычной прагматичностью, но один из вариантов точно обретет свое место с наступлением нужного времени. Ему хочется – и даже почти удается – отдаться грядущему событию, словно некоей судьбе, а там уж все само решится, и какой бы вариант череда решений ни спровоцировала, так оно и будет. Вот он, момент старости, когда нити контроля попросту устают существовать.

К счастью, чего было не отнять, чаще он повелевал эмоциями, нежели они им. И, равно как и про самого себя, Холд не знает, откуда у его единственного сына такое же умение: результат воспитания или умелая работа генетики. Вопрос этот был, с одной стороны, не так уж и жизненно необходим – сыном он гордится, да и тот достиг много к своим годам даже без наставления отца. Но с другой, более личной, от того и более скрытой, Нил Хобер уже давно и крайне успешно использует это умение в адрес Холда. И вот вновь, словно и вовсе стыдится быть пойманным на теплой связи с этим человеком, сын непринужденно и будто бы даже случайно оказался рядом с отцом. Встал спиной к иллюминатору, не сводя взгляда с жены Лилит и сына Максима в паре метров впереди, занятых проверкой костюмов для высадки на планету.

– Наша задача – восстановить «Фелисетт», правильно? – Холд не ответил, даже не среагировал. – Хочешь, чтобы я поверил, что не твоя рука назначила мою семью в этот проект?

– Почему тебя это волнует? – не сразу прозвучал ответ при первом взгляде друг на друга, где в глазах сына Холд увидел сомнения, а после и неприкрытое

размышление.

– Потому что это опасно? – с интересом Нил выдал вариант, наблюдая за Холдом. Но в ответ была лишь разочарованная усмешка и вновь наблюдение в иллюминатор.

– Слушай, Холд, я знаю, возможно, ты пытаешься так наладить отношения – это я могу понять, не принять, а понять. Но эта брошенная еще до моего рождения база – явно не лучшее место для твоей затеи... как минимум для детей. Не считаешь, что малька перегнул?

– Я считаю, что тебе нужно заняться делом и подготовить своих к приземлению, а не доставать меня своими бестолковыми вопросами. Мы здесь для важной работы, которую нам поручили. – Отчески?укоризненный тон впечатался в Нила своей силой, воскресив в нем знакомое с детства чувство горькой покорности. – Ищешь, в какую ложь поверить? Если мне не доверяешь, то помогать тебе в этом я не буду. Делай свою работу.

Их взгляды встретились в молчаливой борьбе характеров. Каждый читал в противнике ровно то же, что и всегда: властное доминирование старшего над пусть и яростной, но все же недостаточной силой младшего. Такое было им далеко не впервой, уже привыкли настолько, насколько сильно каждого прошибло насквозь странной ностальгией, сокрыть проявление которой у обоих получилось не совсем удачно.

Но итог был понятен и предсказуем: Нил ушел к своей семье, а Холд остался на месте в одиночестве с ранее высказанной сыну неправдой. Хотя разве он в чем-то лукавил? Да вроде бы толком нет, укрепляет он в себе оборону перед чувством вины за ложь. «Фелисетт» и правда нужно восстановить, даже больше подходит определение «расконсервировать и вдохнуть жизнь» – это прямое назначение их работы, тут нет подвоха. А вот стоящие за этим причины, провокатор этой авантюры... мысль об этом все продолжает пугать, пусть и в меньший ущерб, нежели раньше. И вот не успевает он вновь окунуться в дебри причин и следствий, как по громкоговорителю сообщают, что звездолет готов к вылету.

Брифинг

«Фелисетт» находился на отдаленной планете Аттон, чьи размеры были вдвое больше привычной нам Земли, а расстояние от звезды позволяло обладать и кислородом, и даже зарождением примитивной жизни на уровне бактерий и микробов. Чудесное на первый взгляд место обладало и иной стороной, хотя тут уж кому как: ценителям холода и уютного снежного покрова здесь будет в самый раз, ну а противникам такой природной стихии, увы, комфорт получить не удастся. В среднем температура была от минус десяти до минуса сорока, здесь уж сама космическая сила так распорядилась, подарив довольно маленькое светило. Как раз перед посадкой на звездолет, должный отправить наших героев на планету, через иллюминаторы на правой стороне «Шарлотты» можно было разглядеть выглядывающее поверх Аттон светило. Но, как бы красив ни был этот яркий момент с орбиты планеты, этому придали значение лишь Август и Нора Манлио. Подняв дочку на руки и подойдя к иллюминатору, Август с некоторым даже теплым изумлением наблюдал за реакцией Норы, чей нос уже почти уткнулся в стекло от завораживающего вида. То было не удивительно: она впервые покинула дом, где наблюдала виды за иллюминатором космической станции, но все же из года в год они были неизменны. А тут само понимание иных координат – это уже свежее восприятие для детского ума. Ничто не сравнить с реальным опытом взаимодействия с естеством матушки?природы, оттого Август и был крайне рад возможности взять Нору с собой. Ранее он не раз покидал ее, отправляясь в командировки по приказам Холда или же сопровождая его, оставляя под присмотром нянек или же попросту хороших соседей. Но тут были еще несколько факторов: сам Холд настоял на том, чтобы взять Нору: «Пусть мир повидает, как отец говорю, детям нужны простор и возможность познания». С чем трудно было не согласиться, да и отказать своему работодателю и в некотором роде покровителю он вряд ли мог. Ну а главное заключалось вот в чем: Август более не хотел оставлять ее одну, ему надоело ощущать возрастающее пространство между ним и его двенадцатилетней дочерью. И тут есть общее у него с Холдом, в чем ни он, ни сам руководитель этого задания не признаются: проблема воспитания. На то были свои причины, но сейчас не тот момент для их вскрытия и изучения, уж совершенно не хочется разрушать ту душевную и мирную обстановку перед отправлением на «Фелисетт».

База эта была построена у основания крупной скалы, растянувшейся на полсотни километров в стороны, правда, без высокого наконечника – лишь множество небольших, но отчетливо видимых глазу издалека. Поближе к

местам, которые, опять же найдясь немного в окружении скал, могли стать источником ценных ресурсов. Не случилось этого по причинам финансирования, хотя, будем честны, в написанное в официальных отчетах и заключениях верится с трудом, как минимум из-за невозможности допросить создателей проекта по самой простой, но от этого не менее грустной причине – смерти.

Когда на брифинге, после прибытия на орбиту планеты и до разговора с Холдом, Нил слушал эту информацию, его не покидало ощущение, что все это будто бы придумано на ходу. Да, схожих ситуаций, когда что-то делается, потом бросается, пусть и денег потрачено больше приличного, было предостаточно, но проблема была в двух моментах. Он никогда не слышал про «Фелисетт», хотя подобных построек было не больше пятидесяти по всей галактике, а популяризация подобных мест присутствовала давненько. Второе – он до сих пор не верит в такой шанс. Нет, не подумайте, карьера доктора-терапевта у него отличная, даже более чем, как и работа его жены Лилит программным специалистом также дает повод для гордости. Тут дело несколько в ином – для них двоих вполне мог наступить сильнейший кризис в браке, скорее всего, коснувшийся и ребенка, если бы не эта внеплановая работа. Холд не знал про это. Или знал? Это и беспокоило Нила. Поверить в то, что Холд специально вытащил семью просто из-за желания внушить свою помощь, – да легче легкого, думал Нил про себя, наблюдая за отцом на брифинге. Даже Лилит подумала об этом, лишний раз с некоторым укором одарив Нила тем самым многозначительным взглядом, будто и вовсе не веря в происходящее, подозревая мужа в некотором заговоре. Но тут она ошибалась: Холд не знал про их проблемы, а Нил никогда бы никому не рассказал, особенно отцу. По-настоящему Лилит радовало в тот момент лишь одно – наличие Норы. Здорово, когда у ребенка есть кто-то, кроме взрослых: так их сыну Максиму будет с кем играть, общаться, даже чему-то научиться, хотя отсутствие няни или же просто сиделки в этом путешествии – очень неприятное для нее условие.

Когда они все погрузились в звездолет, должный доставить их на «Фелисетт», Лилит специально посадила сына с Норой: пусть нормально познакомятся и подружатся, как раз почти одного возраста. Правда, стоит наперед огорчить, но такое отношение к сыну было вызвано не заботой о его воспитании, пусть и не без этого, а желанием матери побыть одной, отстраниться. Страшное решение не только для ребенка, но и для родителя, в частности мамы, но, как бы она себя за это ни ненавидела, по-другому просто не могла. Особенно это подчеркнул в тот самый момент, когда она поняла, что видеть их двоих куда труднее, чем если бы Максим и дальше был один. Закрепив эту мысль, Лилит сделала ужасные, но необходимые выводы, к сожалению, ощутив уже знакомый,

догнавший даже тут, крайне далеко от дома, взгляд из темноты. Вытащило ее из жгучих лап преследователя появление Холда, приказавшего всем пристегнуться.

Холд занял место впереди, рядом с Августом, пилотировавшим этот звездолет прямо к посадочной, разумеется, давно покрытой льдом, платформе рядом с главным входом на базу. Потом отрапортовал статус готовности двум пилотам «Шарлотты» – Алексу и Броку, которые останутся здесь на орбите как помощь и страховка.

Холд обернулся взглянуть на Нила, но тот даже не заметил внимания отца, а ведь ранее был прав – тот хотел наладить отношения с семьей. Он не видел сына уже почти десять лет, а тут свалился на их головы, будто бы они только его и ждали. Желание это было искренним и чистым, тут не было фальши, но дать понять им это было нельзя, иначе ничего бы не получилось. Очередное бремя, которое ему придется нести, как он надеется, не слишком долгое время. Но, с другой стороны, если его план удастся, то это будет уже не так важно, пусть его будут ненавидеть или презирать – оно того будет стоить. Видя их сейчас, Холд даже почувствовал некое предательство в сторону Августа, работавшего на него последние три года без нареканий, ответственно и честно, исполняя роль и пилота, и охранника, и заместителя директора по безопасности, когда это требуется. Все?таки они стали очень близки, но, увы, не совсем – некоторые темы не трогались, а личное самого Холда... Вы и так понимаете, насколько он твердолобый и даже скупой на чувства человек. И вот вроде бы рядом с ним самые близкие люди, а одиночество пробирает до самых костей. Бесчисленное количество раз совершалось примирение с этим чувством, но, как и полагается, каждый раз волна отчаяния и боли накрывает без предупреждения, ломая до основания всю уверенность и казавшийся идеальным контроль своего «я».

Ты уже тут бывал?

Сокращая расстояние до «Фелисетта», звездолет столкнулся с буйным нравом погоды Аттона, решившей встретить гостей сильным ветром со снегопадом. Разумеется, подобное волнение никак не могло навредить конструкции и материалу чуждого планете транспорта, но все же некая борьба явно

ощущалась. Небольшая вибрация в совокупности с толчками не впечатляли своей угрозой никого из старших даже близко с той силой, которая без предупреждения нахлынула на еще не окрепшие детские умы.

Если бы на Максима обратили внимание, то без промедления заметили бы волнение, граничащее с почти что азартом на почве любопытства перед новым местом прибытия. Оно интриговало своими тайнами не меньше первого или любого другого, а представить тот момент безразличия к неизвестному – это для него непосильная задача. Он впился двумя глазами в иллюминатор, двигая порой шеей, словно цапля, надеясь первым из первых угледеть таинственный «Фелисетт», совершенно уже позабыв о родителях, как и обо всех вокруг. Хотя именно родители и брали его в самые разные командировки, позволяя видеть мир за пределами дома, знакомиться с новыми людьми и находить новые интересы, надеясь дать ребенку разноплановое представление о жизни. В этот же раз он впервые посещает не обжитые территории, а одинокое строение на безлюдной планете, что чуть ли не на периферии галактики, – комбинация этих фактов пробирала до мурашек.

И без того гиперактивное воображение получило идеальный источник для удовольствия путем представления всех темных уголков «Фелисетта», где, помимо историй ранее обитавшего там персонала, Максим визуализирует вскрытие старых тайн, поиск разгадок и нахождение кладов, может быть, даже спасение всех от лап страшного зверя или же предотвращение катастрофы, героически принимая волевое решение! Ух, какие краски бурлили в голове десятилетнего мальчика, всегда отдававшегося фантазиям и приключениям с завидным азартом! А под его скафандром, в нагрудном кармане куртки, лежала коробочка, где он хранил памятные вещички с каждой такой поездки, причем три из них были на космических станциях, не сильно отличающихся друг от друга, а три другие были уже на планетах, где Максиму посчастливилось познать быт разных колоний. Хотя сам он мечтает изучить все шесть из семи заселенных в разной степени планет – на Земле он уже был – и чуть ли не каждую орбитальную и космическую базу, численность коих переваливает в общей сумме за сотню. Юная фантазия полна энтузиазма, чему всегда следует радоваться чуть больше, чем меньше, из-за скоротечности такого редкого процесса. И вот сейчас, приложив руку на место ее хранения, он уже предвкушал пополнение коллекции. «Наконец-то настоящие приключения!» – повторяет он себе непроизвольно снова и снова, чуть ли не вслух, предвкушая начало новой жизни, где не надо более страдать на трудноусваиваемой учебе и скучать от безделья в ожидании родителей с бесконечной работы. Вся эта тряска звездолета, снегопад за окном и кромешная интригующая темнота так

его увлекли, что он напрочь забыл еще и об обещании отцу помогать и заботиться о маме, заметно изменившейся за последние три месяца в сторону отрешения, особенно по отношению к сыну. Более того, он даже не обращал должного внимания на Нору, хотя никогда не чурался новых знакомств, как и не проявил энтузиазма при встрече с дедушкой Холдом, пусть тот и неуверенно напомнил, как последний раз видел внука, когда тот еще толком ходить не научился. И, как часто бывает, за великим возбуждением приходит горькое разочарование, а именно – несоответствие ожидания и действительности. Звездолет перестало трясти, снегопад поутих, а темнота расступилась перед мощными прожекторами на корпусе снаружи, предоставляя возможность узреть вполне обычное, скучное окружение. Для Максима подобное не впервой, но, увы, опыта пока было мало, чтобы заблаговременно подстроиться под открытие действительности. А «Фелисетт» – это тот пример примитивной унылости в угоду максимальной практичности, и если существует визуализация такого понятия, как скукота, то изображение базы будет самым идеальным воплощением термина. Ну а плавная посадка и взгляд на «Фелисетт» в ста метрах от правого борта растопили бурную фантазию окончательно.

Холд вышел с места пилота и, держа в руках шлем, уже готовый выбраться наружу через шлюз, решил обратиться ко всем:

– Мы проверим «Фелисетт», и если все в порядке, то начнем освоение.

– Ты уже тут бывал? – спросил неожиданно Нил.

– Нет.

– Давай я с тобой пойду, – скорее из профессиональной ответственности, нежели личной заботы, проговорил Нил, но не успел даже встать, подметив непонимание Лилит, как сам Холд строго отсек попытку:

– Ты единственный врач, нельзя тобой рисковать, останешься здесь за главного.

– Там, может, нужно было дополнительных людей взять, для страховки? – с заметным укором вырвалось из Нила.

Холд ответил ему таким же ледяным взглядом, каким планета встретила гостей, после чего вошел в шлюз, надевая шлем. К нему вот?вот должен был

присоединиться Август, но сначала он обратился к Норе, присев перед ней для контакта на одном уровне. Правда, сидевшего слева от нее Максима он даже не заметил, хотя тот с трудом скрывал удивление от строгого тона, каким Август обратился к Норе, да и содержание было непривычным его ушам.

– Оставайся здесь, с этими людьми. Ни в коем случае не иди за мной, особенно если там что-то произойдет. В том случае, если я не вернусь, ты знаешь, что делать. Я верю и знаю, что ты не будешь делать глупостей, а позаботишься в первую очередь о себе, нежели обо мне. Выходи на связь только в случае чрезвычайной необходимости, пользоваться передатчиком ты умеешь.

– Да, отец, – кратко вырвалось из нее механически. Август промедлил и глянув в сторону, поймал кивок Нила в согласии приглядеть за Норой. Смягчив тон, он заговорил вновь, твердо глядя в глаза Нору:

– И я знаю, что ты переживаешь, а новое место кажется пугающим. Но любые трудности мы решаем, думая головой, оставляя чувства напоследок. Я могу рассчитывать на тебя?

– Да, отец, – ответила она, держа мину твердого характера.

Август скромно улыбнулся, сжал ее руку, а потом быстро оказался возле Холда, наблюдавшего за этим общением с крайним любопытством, будто бы подмечая что-то для себя на будущее. Не прошло и пары минут, как шлюз закрылся, а после проверки открылся выход на заснеженную планету, где внезапно опять поднялся ветер, словно пытающийся препятствовать посещению «Фелисетта». Август нес с собой сигнальные маяки, втыкая каждый в полтора метра от другого в ледяную корку, а там уже механизм всверливается поглубже, создав нашим героям опору и страховку для передвижения к базе.

Нора проследила за всем этим процессом глазами, а после вместе с Максимом устала в иллюминатор, наблюдая за удалением от нее отца. Один их прожекторов светил прямо до входа на базу, позволяя детально увидеть их путь, но из-за внезапной непогодицы обе фигуры, идущие одна за другой, то скрывались, то вновь появлялись. Для нее все это было впервые, ранее она никогда не покидала дома, а все, что знала о работе отца, было из скупых на детали подробностей, чаще заканчивающихся лишь краткой сводкой, нежели интересным рассказом. Отчего не трудно представить, каково было ребенку

впервые находиться в таком пугающем месте, да еще и видеть, как единственный родитель уходит на рискованное дело, а она остается с чужими людьми. А ведь не обладай Нора не по годам развитым умом и характером, то, скорее всего, поддастся бы чувствам, прося отца остаться и не рисковать, не оставляя ее тут одну. Все?таки важно отметить, как судьба сделал Августа единственным родителем Норы, чего им двоим до сих пор несколько неприятно осознавать. Она не знает свою маму, а редкие расспросы приводили к отговоркам с последующей отсрочкой раскапывания данной, закономерно болезненной для Августа темы. Это злило не меньше, чем его ничем не обоснованное справедливым образом условие для откровения: когда ей исполнится шестнадцать, тогда он все и поведаст. Почему такой возраст? Почему не раньше или же не дозировать правду? Должных ответов она не получала, а требовать путем бойкота или ультиматума не могла, не говоря уже о бунтарстве, к чему сердце порой так и тянуло, правда, до отца она это свойство никогда не доводила. Август любил ее и заботился, тут для сомнений почвы не было и никогда не будет – но методы обучения его были порой слишком строги, направлены приоритетно в дисциплину, образование и знания, нежели на развлечения и азарт. Можно ли сказать, что так он отнимал ту волшебную частичку детства ребенка? Да, к сожалению или нет, но это было так. Причем все это имело под собой обоснованные причины, но об этом позже. Сейчас Нора всерьез рада возможности проверить свои навыки и реализовать потенциал, надеясь через это еще и разрушить невидимую преграду между ней и отцом. Но вот он ушел, оставив ее одну, отчего она не может не визуализировать самый пессимистичный исход, наперед сокрушаясь от несказанных слов и сокрытых внутри чувств к нему. Но все же держится девочка молодцом, тут уж ничего не скажешь. Скрывает сопереживание почти успешно: даже Лилит, поглядывая на нее, до конца не уверена в наличии естественных для ребенка в такой момент эмоций. Такова была Нора, с виду пусть и холодная, с уже профессионально строгим и даже местами властным взглядом, а по общению краткая и сухая, но переполненная надеждой заполнить внутреннюю пустоту.

Тишина затягивалась, вход в «Фелисетт» отсюда не виден глазу, никаких опознавательных знаков не замечено, а фонари со скафандров давно пропали из вида за живыми стенами подталкиваемого ветром снега. Если дети выжидали в самом пике концентрации, когда любой громкий звук со стороны заставил бы их вздрогнуть с визгом, то вот взрослые, наоборот, спокойно и естественно отдавались своим мыслям.

– Нил, – обратился по общей коммуникации Холд, заставив детей и правда вздрогнуть, оглядываясь по сторонам, – мы внутри. Готовьтесь к выходу, когда

разрешу, строго по маякам. Ждите.

– Принято, ждем! – Больше он ничего не хотел говорить, но исчерпывающий взгляд Норы в его сторону не мог оставить его равнодушным. – Вы там в порядке, как Август, нужна помощь какая?

Они все смотрели друг на друга, ожидая ответа. Лилит в это время уже начала помогать одеваться Максиму, поглядывая заботливо и на Нору.

– Да, все целы и здоровы, помощь не требуется, – сухо ответил Холд.

Нора кратко улыбнулась, в глазах пробежали еле заметные искры, а Нил направился к передатчику, чтобы сообщить Алексу на «Шарлотту» статус.

Описать ощущения наших героев на пути к базе можно лишь как зыбкое равновесие. Уж больно странное состояние неучтивых гостей по отношению к «Фелисетту» сменялось ватным комфортом благоприятного принятия их в новом месте. Началось это с момента первого шага по планете, все так же выпячивающей свой характер новоприбывшим. Первой шла Лилит, за ней на тросах были закреплены Максим и Нора, а уже позади, чуть отставая, двигался Нил, таща за собой два паллета снабжения на механических специальных колесах, беспрепятственно поддающихся управлению через небольшой беспроводной пульт. Небольшая дверь находилась в центре квадратной, пять на пять метров, ровной вертикальной железобетонной поверхности, чья горизонтальная крыша вскоре уходила в скалу. Эта основная часть немного выпирала наружу, находясь между своих соседей, что слева и справа были приставлены вплотную. Такие же квадратные корпуса, но высота их была уже не более четырех метров, словно отростки, прикрывающие бока. А на крыше правой выделялась конструкция со спутниковой тарелкой для связи с остальным миром. С каждым шагом строение будто бы нависало над ними, смиряя каждого тяжелым взглядом.

Максим жадно разглядывал это неожиданно пугающее строение, а благодаря закономерно вернувшемуся азарту впечатлялся неизведанными тайнами, сокрытыми за крепчайшими стенами. Все?таки стоит оглядеться, как сама окружающая чернота планеты преобразует «Фелисетт» из скучной коробки в нечто единственное и оттого ценное. А вот Нора оказывалась под зеркальным влиянием: с трудом борясь с желанием высказать свое опасение и нешуточную

тревогу перед «Фелисеттом», она почти связалась с папой, но неожиданно длинный для нее путь был преодолен успешно. Все они были вместе, идя к уже ожидавшему в дверях Холду, даже не подозревая, какие трудности ждут их в ближайшем будущем.

Не смей нас сравнивать

В первую очередь предстояло вдохнуть жизнь в это покинутое, а может быть, и не знавшее людского присутствия, кроме бригады строителей, место. Казалось даже, что времени потребуется куда больше, а недовольство слишком поспешным прибытием без необходимых людей и разведки вот?вот и должно было соскочить с языка либо у Нила, либо у Лилит. К счастью, до этого не дошло: ведь, несмотря на долгий простой, «Фелисетт» отлично сохранился. Проводка, канализация, система вентиляции – все работало пусть и не без пинка, но прилично лучше ожидаемого. Благодаря взятым энергетическим генераторам, получилось не просто расшатать систему, а создать гибрид старого реактора с новым, за что отдельно захотелось поблагодарить единую инженерную платформу. А двери внутри уже имели систему электронного допуска, но не без наличия механического открытия, разумеется. Самое забавное было в том, что панели сбоку от каждой створки поставили, но не активировали, так что, по сути, их следовало лишь включить и настроить, введя все необходимые данные персонала. Пока решили оставить как есть: все открыто, прятать им нечего и не от кого, а представить ощутимую опасность попросту неоткуда – на планете, кроме них, людей нет. Ну а окончательное приспособление «Фелисетта» произошло в тот момент, как Нил вернулся со звездолета, на котором все прибыли, поставив тот на покой за ненадобностью. Только вторые двери «Фелисетта» закрылись за его спиной, как везде включился свет, наконец?то дав полное видение всех уголков единственного творения рук человека на всей планете Аттон. Нил достал из нагрудного кармана анализатор воздуха и запустил очередную проверку, а когда скорый результат вновь оказался удовлетворительным, то с уже более спокойным сердцем снял шлем. Сам не знает, откуда такая паранойя, но лучше чуть потворствовать ей, нежели потом аукнется, ворчал он про себя, поглядывая по сторонам холодного места. Основной коридор в три метра шириной уходил далеко вперед, заканчиваясь лифтом на нижний уровень, который соседствовал с душевыми слева, а справа шла лестница, вплотную к которой были туалеты. И вот здесь есть некая белая ворона – лифт. Неизвестно, кто, как без видимых в данный момент причин вывел

его из строя, полностью обрубив питание всего механизма, а без компьютера... увы, пока ножками по лестнице. Хотя так даже лучше: меньше шансов, что дети окажутся там, куда им не следует ступать. И все бы ничего, но вот для его восстановления, увы, у наших новоприбывших нет ни инструмента, ни запчастей, как, собственно, и знаний в этой области. Ну, решили почти все одновременно, не все же идеально должно быть, да и нужен лифт лишь на этаж вниз спуститься.

По сторонам всего пути к лифту шли двери: справа в жилые комнатки, другие, с противоположной стороны, открыли доступ в столовую и комнату отдыха. Правда, там ничего должного так и не соорудили. А вот уже ближе к Нилу было самое интересное и важное в этом месте: слева от него двери в ремонтную зону, а справа – два помещения: сначала центр связи и некий пункт управления базой, а дальше, вплотную уже к спальням, – приличный медицинский центр. Вот как?то так – вроде бы просто и практично, все, считай, на ладони, но все же данный минимализм несколько давил, будто бы ощущалась масса всей скалы, внутри которой по факту они все и находились. Серо?черные стены без какого?либо желания создать приятный глазу антураж, потолок со встроенными квадратными лампами в шахматном порядке и немного рифленый пол – вид крайне мало красочный, создающий не самую приятную атмосферу, думал Нил, не удивляясь отсутствию посетителей долгие годы.

Правда, все эти мысли лишь краешком касались основных мотивов его тревоги, так сказать, играли роль приправы к и без того обостренному блюду в виде тянущейся уже несколько месяцев болезненной темы между ним и Лилит.

– Ну, как тут дела? – задал он вопрос Лилит. Всецело погруженная в работу с оборудованием для связи во всю стену напротив входа, она ответила не сразу:

– Большой плюс таких мест – отсутствие грызунов. Сама система вроде бы работает, просто старая, но, к счастью для нас всех, тут явно хотели охватить все сферы и способы связи между... всеми? Пока главная проблема – программное обеспечение, оно тут еще до моего рождения, придется повозиться с переустановкой и подгоном системы.

– Сама как? – Лилит показательно не среагировала. – Да, ты просила не спрашивать это в стотысячный раз, но разве я имел в виду что?то конкретное? Ты знаешь, какой я покладистый, так, спросил просто.

Лилит медленно развернулась на крутящемся стуле и уставилась прямо в глаза Нила, открыто выражая трудность подбора слов.

– Твоя забота всегда мила, но давай обсудим более важный момент. – Лицо Нила быстро изменилось с неуклюжей заботливости на неприятное тухлое смирение. – Ты понял, о чем я, точнее, о ком. Твой отец объявился так же неожиданно, как и вся эта крайне сомнительная работа. Когда мы его последний раз видели? Лет девять назад, чуть больше, если я не ошибаюсь, Максиму тогда только год исполнился.

– А где он, кстати?

– С Норой в столовой, – быстро отчеканила Лилит, явно не давая ему соскочить. – Холд знает?

Вопрос был твердым и сильным – на такой обычно либо честно отвечают, либо молчат. Глаза Нила потемнели, а заговорил он лишь после того, как отступил назад и оглядел коридор, убедившись в отсутствии лишних ушей. Сам разговор уже сворачивал не в ту сторону, что, к сожалению, было далеко не впервой, даже напрашивалась неприятная до раздражения закономерность.

– Нет. Холд не знает. Ты правда думаешь, что я бы ему рассказал? Издеваешься!

– Да я понятия не имею.

– Лилит, я клянусь тебе! Я думал, мы прошли тот этап, когда мне приходится тебе вечно все доказывать!

Да уж, не на такой разговор он рассчитывал, пусть и понимал его неизбежность. Находясь под сильным взглядом Лилит, Нил непроизвольно скрестил руки на груди, машинально приняв оборону, чему она, с одной стороны, была рада – так он будет честнее и прямее, а с другой – это вновь отняло ту редкую эмоциональную теплоту между ними.

– Я не хочу ссориться. Но давай будем честны, тут слепой увидит слишком уж явное стечение обстоятельств. Мне самой ни разу не приятно, но одно уж очень легко сходится с другим. Не говоря уже о том, что вообще?то мы хотели

оказаться не здесь, в холодном и одиноком месте. Хотя батареи уже включились, хоть, блин, что?то, спасибо!

- Я спросил у него. - Нил взял стул и сел на том же месте, где и был. - Но он просто сослался на формальность. Зная его, не поверю, что все вот так легко и без подковерных игр. Но я проверил - приказ и правда есть, все официально.

- Да?да, я знаю. А что так смотришь? Думаешь, я все на самотек отвела, дожидаясь тебя, и сама не убедилась в официальности приказа и назначения? Как раз отпуск должен был начаться - и на тебе.

- Лилит, мы тут на неделю, две - максимум.

- И что?

- Хватит лишний раз драматизировать, вот что! И не смей опять причитать, хватит! - процедил сквозь зубы Нил, с трудом держа тон на одном уровне, поспешно возводя оборону от ее нападения. - Да, мы не планировали тут быть, но такова уж работа. Не впервой нам срывать с места и лететь, куда скажут. Все же мы не просто так имеем и допуск, и привилегии. До этого будто бы не приходилось в командировки гонять без разгона, сразу в гущу. Так что хватит причитать! Мы здесь, прими этот факт! Все сделаем, и будет куча времени, чтобы...

- Чтобы что?

- Вот именно! Ты сама не знаешь, чего хочешь. Как по мне, работа - это то, что нам нужно.

- Ну ты и говнюк! Ничем не лучше отца.

- Не смей нас сравнивать!

- Я не хочу тут быть! Ты слышишь меня?! Не хочу! Я согласилась... да я сама не знаю, зачем я согласилась. Толком и не думала, дура, блин. Помимо работы мне что, еще придется и твои проблемы с отцом выслушивать, быть вашим рефери? Да, если ты не замечал, то поверь: за милю вашу вражду видно! У меня,

по?твоему, что, нет своих...

- Ты права.

Не первый раз он с болью замечал изменения в Лилит, как частичка доброты и смелости заменялась несправедливой жестокостью. Причем больше всего он беспокоился, что Максим тоже это видит, принимая ее поведение как данность.

- Прости. Но мы уже здесь. Давай все сделаем и спокойной вернемся домой, а я постараюсь не втягивать тебя в наши с ним разборки.

- А может, попробовать обойтись без них? Для разнообразия.

Нил ненавидел такие моменты. Знал, что прав, но состояние Лилит было на пределе, продолжать дальше ему не было смысла - ни к чему хорошему это не приведет. А если он даже ненароком, будто бы невинной оговоркой, заикнется о том, что она отдаляется от Максима последние три месяца... Нет, такое нельзя даже представить, с недовольством заключал Нил, болезненно воспринимая те невидимые преграды между ними.

- Постарайся и для Максима. Я не хочу, чтобы он увидел ваш междоусобный бардак с Холдом.

- Хватит, пожалуйста, делать меня виноватым.

- Нил, - сказала Лилит с тем самым надменным упреком, чуть ли не с удовольствием тыкая Нила в его же косяк, - ты куда больший провокатор, чем он.

Как?то странно так случилось, что этот неприятный диалог между мужем и женой, между прочим, уже набивший Нилу оскомину вновь повторяющимся упреком в его сторону, был прерван совершенно непредвиденным образом. Внезапно весь свет отключился, погрузив «Фелисетт» в угольный мрак. А толщина стен и глубина постройки изолировали от внешнего мира настолько идеально, насколько даже в кромешной тьме без каких?либо внутренних звуков было невозможно найти доказательства существования хоть какого?то живого мира за пределами стен. Казалось даже, словно «Фелисетт» ожил и решил

потушить очередной пожар между супругами, так сказать, вмешаться, пока не стало хуже. Но, увы, как бы романтично это ни могло звучать, причина была совершенно не в этом.

Она куда сильнее тебя

На первый взгляд, ничего особенного не произошло – всего лишь отключилась электроэнергия, разве можно кого-то удивить этим в мире технократов? Пусть и переживающих далеко не первый экономический и идеологический кризис, но все же. Если честно, то правильного ответа нет. Все индивидуально и зависит от контекста, который прямо сейчас так искусно влияет всеми своими составляющими на Лилит. Ее тело в мгновение покрылось ледяными мурашками с последующим жгучим ознобом. После нарушается дыхание, а сердце отстукивает уж больно раздражающий ритм, словно изобретает способ общения единственным доступным инструментом – пульсацией. Мозг начинает играть в игры без ее спроса, заходя внаглую с козырей: время растягивается, слух играет в молчанку, а зрение лишается смысла. Ей попросту не оставалось выбора, кроме как поверить в отсутствие всего вокруг, а значит, и самой себя. К сожалению, подобное состояние для нее не впервой, а то не сильно давно случившееся несчастье, породившее преследователя, все никак не поддается устранению. Но в этот раз, потерявшись в моменте, почти поверив в безвозвратность, Лилит получает помощь извне. С момента отключения света прошла пара минут, вторую из которых Нил потратил на многие попытки вернуть в сознание жену, хотя то никуда не девалось – просто ее настиг приступ невыносимой паники. Но, к счастью, возвращение случилось быстрее ожидаемого, но дольше возможного. Она резко схватила его за руки, до этого обнимавшие ее за плечи, пока заботливый голос пытался пробиться сквозь невидимую броню Лилит. Оковы слетели, жизнь вновь ощущалась чем-то осязаемым и личным, а время смогло вернуться в привычный ритм. Подобные моменты раздражают, как минимум из-за доказательства переоценки собственных сил. Сейчас ей болезненно страшно, а холод и тишина оставались единственными ориентирами в исчезнувшем мире, оставив ее одну с беспредельным страданием. А в темноте не видно никаких границ, что сразу же обесценивает вышеупомянутые ориентиры от бесполезности, окончательно доказывая Лилит ее ничтожность.

Пошла третья минута, коммуникации молчали, питание все так же отсутствовало. Нил говорил нежно, но уверенно, поступательно донося до нее информацию:

- Так, я иду вниз, ты - к детям. Вроде бы Холд и Август там были, может, случилось что, сейчас проверю.

Нил освободил руки от хвата Лилит, включил нагрудный фонарик и, поймав контакт со все еще нервным взглядом жены, твердо произнес:

- Ты поняла меня?

- Да, - имитируя контроль, сказала Лилит, сразу же поднявшись на ноги и включив уже и свой фонарик, взяв оружие против тьмы в свои руки. Нил смерил ее заботливым взглядом, явно желая сказать чуть больше, - но, оборвав себя еще на мысли, просто кивнул и пошел к лестнице. С одной стороны, она была рада остаться одна: не любила чувствовать себя слабой, пусть и защита от мужа, особенно сейчас, была приятным и действенным влиянием. С другой - вновь осталась наедине с остаточным эффектом от преследователя, главный из которых лишь сейчас полностью распылится, - время. Все вдруг ускорило, приобретя наконец?то более подходящий окрас к нынешней композиции изменившихся декораций. Выбежав в общий зал, Лилит, не сбавляя темпа, направлялась к столовой. Все мысли заняты детьми, что, несомненно, позволяет лучше цепляться за реальность, отталкивая от себя остаточный эффект панической атаки, а следовательно, и мысли о том самом ощущении, но несуществующем преследователе. Двери тут открывались механическим путем, она дернула рычаг над панелью открытия, створки с некоторым скрипом расступились перед ней, спрятавшись в стенах. Быстро войдя и уже открыв рот для первого слова, Лилит замерла на месте. Увиденное могло бы еще быстрее зародить в ней страх, если бы за ее спиной не объявился Август. Их взгляды почти одинаково выразили друг другу непонимание причины отсутствия детей на месте. Без слов они осмотрели все: пустые шкафы, холодильники, даже порылись в двух паллетах со снабжением, допуская банальную попытку спрятаться там от страха. Самые худшие ожидания подтвердились - детей нигде не было. Лишь следы пребывания, а именно - простенькая металлическая коробка Максима, где он хранил сувениры. Она небрежно лежала на столе, что для Лилит стало плохим знаком.

– Это Макса! – Она взяла ее и осмотрела, внутри все было на своих местах. – Он бы ее не оставил так.

– Может, Норе показывал?

– Я не знаю! – Лилит нервно осматривалась, спросив чуть ли не на автомате: – Ты не знаешь, почему выключился свет?

– Меня сейчас не это волнует, – ответил строго Август, продолжив поиски уже вне столовой.

– Нора! Максим! – Август старался кричать нейтрально, но нотки недовольства все же выделялись, что не могла не подметить Лилит, также осматриваясь вокруг и рассекая крошечный мрак лучом фонарика. – Дети, где вы?!

– Тихо! – отсекла Лилит, опустив фонарик в пол и начав прислушиваться, чему не сразу, но последовал и Август, оглядываясь по сторонам. Как всплеск света во властной черноте, инородный звук выделился сразу же. Август сорвался с места и уверенным шагом добрался до самой дальней жилой комнаты слева, напротив столовой, почти вплотную к туалетам, вынуждая Лилит догонять его.

– Вы слышите меня?

– Да, мы здесь! – начал громко Максим, стуча чем-то металлическим по двери.

– Нора с тобой? Вы в порядке?

– Да, да, она тут. Дверь закрылась, нам не выбраться.

– Макс! – начала наконец Лилит, пока Август безуспешно дергал рычаг механического открытия. – Это мама, отойдите назад, мы будем дверь открывать.

Лилит светила ему уже с двух рук, пока неудача использования механизма не привела к попытке силой сдвинуть створку. В его голове уже всю идет оценка самого быстрого способа вскрытия: болгарка на батарее, горелка, может быть, просто ломом попробовать... Правда, до окончательного вывода крайне

энергичной решаемой задачи не хватило нескольких секунд – свет включился, а за ним и панель управления, однако тут не обошлось без нюанса в виде замыкания, вынудившего створку со всей силой умчаться за правую стенку, будто бы боясь использования всех идей Августа. Свет ослепил и даже немного испугал, а где-то в стороне отозвались странные, механические на слух звуки. Но пусть «Фелисетт» и ожил, проблемы еще решены не были. Благо Лилит успела среагировать вовремя:

– СТОП! – остановила она детей в шаге от выхода. – А если она сейчас опять хлопнется?

Август осмотрел детей, поймав прячущийся от него взгляд Норы, стоящей позади возбужденного Максима, чьи два больших глаза искали решение задачи, будто бы он и не причем вовсе. Август осмотрел дверь, потом панель и сам механизм, и ему пришла простейшая, но крайне опасная идея. Не желая более оттягивать время, он схватил руками выпирающий кусок створки, а ногой уперся в противоположную сторону. Делать такое ему не хотелось, да и было не по правилам, но отцовская любовь толкала на опрометчивые поступки.

– Быстро выходите!

Первым именно что выскочил Максим, будто бы и не было никакого заточения, а если и было, то он словно и не видел в этом проблемы. Но, с другой стороны, его энергия все же передалась Норе. Он протянул ей руку и подозвал, малька заглушив и так уже разгоряченное чувство вины. Только оба оказались снаружи, а Август перестал быть живой распоркой, Лилит подошла и уставилась на детей сверху вниз – вроде бы и строго, но вроде бы уже смирившись с такой выходкой. Забежав вперед, стоит уточнить, что Август совершенно не принял такой позиции, посчитав ее как минимум некомпетентной.

– Ну и что вы тут делали? – спросила Лилит с нескрываемой претензией. – Хотя дай угадаю, ты опять пошел искать себе сувениры, и опять без спроса, и опять никого не предупредив. Верно излагаю?

– Верно, – совершенно спокойно и толком не видя причин извиняться, проговорил Максим, открыто игнорируя строгий взгляд Августа. – Но она тут ни при чем, это я ее позвал с собой, я же уже кучу раз был с вами, а она в первый раз. Вот и хотел показать тут все, да и не мог же я ее одну оставить. Двери были

открыты, мы стали гулять, зашли в одну комнату, потом в другую, потом – хрясь! – и все отключилось. Бывает.

– Макс, – начала Лилит опять же неуместным для события тоном, – ты меня так до могилы доведешь, какого фига! Ты не мог подождать или... А если бы вы пострадали? – Строгость все же пробилась на волю. – Или мы были бы на улице? Сколько бы вы там просидели!

– Да?да?да, я знаю, но скучно было, такое место клевое, тут столько всего, а...

– Хватит! – строго, с нотками утомления оборвала Лилит.

Важно отметить, что Максим кое-что все же усвоил, сразу же погасив активность, – правда, выглядело это скорее уступкой, а не осознанием вины. А вот Нора, всецело обнятая самобичеванием, расколола свой панцирь и отреагировала на окружение, лишь когда Август подошел и сел перед ней на одно колено, словно и вовсе игнорируя остальных.

– Посмотри на меня.

Нора подняла стеклянные глаза. Руки были вдоль тела, осанка прямая, лицо безжизненное. Стыд был спрятан глубоко, но недостаточно.

– Почему ты ушла без разрешения? Я жду ответа.

– Я не могла отпустить Максима одного.

– Ты могла сказать мне или кому-то из взрослых. Я учил тебя быть честной. Ты честна со мной?

– Я послушалась тебя и...

– Это я уже знаю, незачем говорить. Почему ты послушалась?

В глазах и самом лице появилась еле заметная уверенность.

– Мне стало интересно это место. Не сказала я, потому... потому что не захотела. Не думала, что что-то случится.

Август немного подумал, Нора же вцепилась в него своими большими глазами, утонуть в коих было легче легкого.

– Хорошо, я тебя услышал. Никогда мне не лги. Я беспокоюсь о тебе, а мы здесь должны смотреть в оба глаза и всегда знать, кто и где находится.

На последних словах Август посмотрел и на Максима, с лица которого уже давно исчезла самоуверенность. Август вновь взглянул на дочь и уже чуть мягче произнес:

– Мы должны заботиться друг о друге, иначе кто-то может пострадать. Чтобы впредь никакой своевольности, ясно? – Нора строго кивнула головой. – Я рад, что все обошлось и вы оба целы.

Август поднялся и сразу же сказал им возвращаться в столовую. Дети послушно зашагали вперед друг за другом.

– Макс, – громко остановила его Лилит. Он лениво обернулся и увидел в руках мамы его коробочку, которую она показательно держала в одной руке. – Я думаю, пусть побудет у меня, а то вдруг потеряется, да? Согласен? – очень артистично и немного издеваясь, сказала Лилит, на что тот показательно закатил глаза и, развернувшись, продолжил шаг.

Лилит посмотрела на Августа, тот кратко ответил ей тем же и сразу же решил осмотреть остальные двери, но неожиданно она преградила ему путь.

– Может, будешь с ней помягче?

Видно было нежелание обсуждать эту тему, но Лилит это не волновало.

– Я понимаю, ты отец-одиночка, заботишься и любишь ее, но все-таки Нора – ребенок, а не какой-то солдат.

Ее авторитарная уверенность в правоте своего мнения давала достаточно сил для профессиональной выдержки в начинающемся конфликте. Но все же важно отметить отсутствие злобы или презрения. В некотором смысле Лилит исполняла роль аккуратного, но уверенного наставника. Август же принял предложение к нежеланному обсуждению, как минимум из-за уважения к ней как к женщине и матери, да и, будем честны, сам он человек, не искавший конфликтов. Развернулся к ней и занял твердую позицию, глядя на нее чуть сверху вниз из-за разницы в росте.

– Именно потому, что она ребенок, ее нужно учить дисциплине и ответственности, иначе никакой осознанности в ее мышлении не будет, – внушительным тоном говорил он размеренно. – Случившееся – это, по большому счету, везение, потому что в другой раз последствия будут плачевными. Этого никто из нас не хочет.

– Да им просто любопытно стало.

– Нет. Это Максиму стало любопытно. Нора обычно не ведется на такие авантюры. Просто у него избыток воображения, который если пустить на самотек, то может привести к чему-то плохому. Она повелась на провокацию, ничего страшного, в следующий раз будет умней. Методы воспитания, может быть, и строгие, но они приносят результат, уж поверь мне.

Лилит кратко и показательно усмехнулась при этих словах, чуть сбавив напор характера.

– Ты же отец-одиночка, неужели за столько лет не усвоил, что никогда, вообще никогда, нельзя говорить матери... что она плохая мать? – Лилит это не корбило от слова совсем, таким простым выпадом растормошить ее эмоции было практически невозможно. Это была ее отличительная черта – знать, когда есть место личному, а когда нет.

– Слушай, – чуть легче начал Август, – я не хочу сориться или конфликтовать, наоборот, я очень рад, что тут есть вы с Нилом, если что, можете приглядеть за ней. Но не забывай, где мы. Лучше готовить детей к возможной суровой реальности раньше, чем позже. Нора должна быть сильной, потому что кроме меня никого у нее нет. Мы оба знаем, жизнь – очень трудная штука. – Лилит нахмурила брови. – Все, что я делаю, это ради нее, и даже если она будет меня

ненавидеть, моя задача как родителя – подготовить ее.

– М?да... Ты, друг мой, кое?чего так и не понял – она куда сильнее тебя. Уже сильнее, – с внушительным акцентом на последних слова заключала итог Лилит. – Поздравляю, Август, ты справился. Правда, счастливее она так не станет, а без этого никуда, хочешь ты в это верить или нет! Между вами пропасть, хоть планету воткни. Ты бы лучше «раньше, чем позже» подметил это, а то потом сам познаешь, каково быть на месте Холда.

Августа кольнуло подобное сравнение. Он замялся, задумался, но быстро откинул эти мысли, а вот Лилит их поймала, записав с радостью и облегчением молодого отца в лагерь небезнадежных родителей.

– Мы по?разному воспитываем наших детей. – Он явно решил закончить разговор на примирительной ноте. – Методы противоположны и в некотором смысле взаимно порицаемы в глазах каждого. Ты высказала свое мнение, я его выслушал и прокомментировал. Ничего личного. Но только мне не ясно, почему тебя на самом деле это так задевает. Не отвечай, это долгий вопрос, и, скорее, ответ нужен тебе, а не мне.

Август оставил ее с очень странным осадком: вроде бы в его словах и есть истина, но, с другой стороны, с сожалением подмечает она, уж очень сильно подобные мотивы напоминали изречения самого Холда. Видимо, зачинщик всех событий так и отобрал на роль правой руки Августа, увидев в перспективе свою копию, думала Лилит с некоторым сочувствием к Норе, хотя к девочке она прониклась, стоит признать. А вот чего сама Лилит признавать не хочет и даже стыдится, но в меру характера иначе никак не может, – это отсутствие чуть ли не болезненного именно для матери переживания за детей в момент их пропажи, вместо естественных чувств, которые ранее пронзили бы ее сердце насквозь. Возможно, из?за этого сбоя она так нагло и ополчилась на Августа? Завидовала ему? Представила ужасное для любого родителя – обоснованный стыд перед своим ребенком за то, какой она родитель... А дальше пошли естественные вопросы: неужели я недостаточно ответственна? Или люблю его недостаточно? А может быть, так было всегда и я правда облажалась? Последний вопрос Августа – это завуалированный укор в адрес ее отношения к сыну, можно даже сказать, претензия. Лилит дралась с этими мыслями, пряча под безжизненным лицом ужасающие чувства. Но все же в момент самоунижения порой куда проще принять заслуженное наказание. Мерзкое состояние прорывалось откуда?то изнутри, чуть ли вновь не приведя с собой

преследователя, чью агрессию в свой адрес она считает всецело заслуженной.

Мы делаем обычную работу

Тут позволю себе вольность заявить о надобности вернуться чуть-чуть назад, аккуратно к моменту после внезапного отключения энергии на «Фелисетте», вынудившему разделить Нила и Лилит. Как мы помним, отец со всей ответственностью ушел на поиски причины внезапно настигнувшей проблемы, оставив детей на попечении матери. И если вам кажется, что рассказанная история первого полноценного знакомства между Августом и Лилит была единственным важным на тот момент времени событием, то смею огорчить несогласием. Разочаровываться никак не стоит: случившаяся перепалка между родителями ни в коем случае не бессмысленна, а те заложенные мысли в их головах произвольными откровениями как друг перед другом, так и перед собой найдут свой отклик в будущем. Мягко говоря, процесс, начатый при столкновении двух противоположностей, имеет скорее пассивный и очень интуитивный процесс, в отличие от параллельно происходившей в тот момент истории между отцом и сыном.

Все еще во мраке, орудуя лишь фонариком, Нил поспешно спустился по лестнице на нижний уровень. Оказавшись за единственной дверью Нил встретил развилку в три стороны, по одной от каждого плеча и прямо перед носом. Куда идти, не знал, да и оказался тут в первый раз с момента прибытия. И вот только он собрался позвать Холда внушительным тоном, как тот сам себя выдал, пройдя вдалеке из одной стороны в другую с фонариком вокруг головы.

- Что случилось? - еще на подходе к Холду спросил громко Нил. Но сам Холд был более чем спокоен, будто бы вообще ничего необычного не произошло, а так, всего лишь лампочку поменять, если прибегать к простой аналогии.

- Ничего не случилось. Ты о чем?

Терпение Нила было подвергнуто испытанию.

- А выключенный свет?

– Здесь немного намудрили с энергогенератором, но вроде бы разобрался, сейчас все будет.

– А предупредить нельзя было? Лилит с детьми испугалась вообще?то! – чуть ли не заревел во все горло Нил неестественным для себя тоном, вынудив Холда отложить изучение показателей на мониторе перед собой и с тяжестью развернуться к сыну. Фонарик на голове он направил вверх, а Нил устал свой вниз.

– Ты провел инвентаризацию медицинского блока?

Острый и внимательный взгляд Нила не возымел никакой даже мало?мальски заметной реакции.

– Холд, раз уж мы тут вдвоем, то, может, честно поговорим?

– Я всегда был честен с тобой.

– Корень всех проблем, – звучало так, как обычно озвучивают с прискорбием причину плачевных событий. Он вновь продолжил, но уже иным тоном: – Хотя сейчас твоя честность будет кстати. Скажи, почему я здесь на самом деле? Как и Лилит, и Максим, разумеется.

– Мы делаем обычную работу.

– Нет?нет?нет. Меня удивляет твое появление на моем горизонте впервые за... девять, десять лет? Что случилось? Ты умираешь или...

– Ты правда думаешь, что, лишь находясь при смерти, я бы захотел увидеть сына и внука?

– Я не знаю! Представь, такое происходит, когда ты то исчезал, то появлялся, то потом опять след простыл, а мама при этом лгала мне в глаза, оправдывая тебя и выдумывая мотивы и истории, подтверждения коим никогда не было!

– Выговорился? – после напряженной паузы сказал Холд с каменным лицом и только собрался заговорить дальше, как Нил немного нетерпеливо высказался

подходящим тоном смирения:

– Давай угадаю, теперь ты во мне по классике разочарован?

– Я не разочарован, просто расстроен, – неожиданно тише, с нежеланным примирением с выводом произнес Холд.

– Ну, к этому я привык. Переживу. Но если уж ты и решил компенсировать эгоизм и быстро восполнить пробелы в отношениях, то спешу сказать тебе четко и ясно – никому это не надо. Мы делаем работу и валим, уясни это и потом не вздумай вновь обвинять меня. Нельзя так делать, Холд, влезать в наши жизни, когда захотелось, насаждая свои правила и мировоззрение. Десять лет прошло. Десять долгих лет, а ты и вовсе не изменился... в отличие от меня. Мои жена и сын – это самое важное, что у меня есть, а уже потом, где-то позади, ты.

За злостью и презрением Нила наполняло торжество справедливости. К сожалению или нет, но продлился эффект недолго.

– Я думаю, что тебе плевать на перебой энергии на жалких десять минут. Ты знал, где я, и, быстро связав одно и другое, нашел себе лишний повод для оправдания гнева в мою сторону. Ты бросил жену и ребенка из-за попытки устранить проблему? Или же ради шанса вынести на меня всю свою жалкую детскую обиду, обвинив меня во всех грехах?!

Холд показательно дернул рычаг рубильника рядом с собой, после чего «Фелисетт» вновь ожил. Окружающие лампы в техническом помещении подарили холодный свет этой разгоряченной атмосфере.

– Надеюсь, ты оставишь личное при себе, потому что, хочешь ты этого или нет, но субординацию надо соблюдать. Сейчас был личный момент, это я понимаю. При остальном персонале, как и в случае каких-либо указаний, требую не забываться!

Холд говорил учтиво, показав ту сторону, которую Нил был даже рад увидеть, пусть и ненадолго.

– Раз уж я в твоих глазах по неизвестной мне причине так и остаюсь худшим на свете, то поздравляю: ты доказал, что не лучше меня, в чем сам же и виноват. Вот теперь я разочарован.

Молчание между ними напоминало осадок послевоенных действий с применением жестоких и бескомпромиссных методов в пользу победы любой ценой. Окруженные морщинами глаза сверлили Нила насквозь – причем, отметил про себя сын, отец как всегда, преобладал над ним силой и властью, вот?вот перешагнувшей на ступеньку тирана. Сам Нил, как можно подвести временный итог, был разочарован, опять же не трудно догадаться, в ком. Даже спустя столько лет он все еще недостаточно силен для Холда, чью броню, как ни старался, так и не смог даже повредить. Нил почти успешно скрывал сокрушение своих позиций, ища хоть какой?то выход из положения, в которое сам себя, как и всегда, загнал.

На планшет, который ранее Холд использовал для сбора данных, пришло оповещение об окончании проверки систем «Фелисетта». Выдернув провода из терминала справа от себя, он кратко взглянул на отдающий синим экран и, кивнув Нилу идти за ним, направился к выходу. Движения отца были громоздкими и тяжелыми, прямо как осадок от крайне неудобного и неприятного обоим разговора. Холд мог справиться со всем вышесказанным, к тому же, не забываяем, его броня уже давно закалена под определенную роль. Уже когда сын поднимался по лестнице, видя в паре метров сутулую спину отца с опущенной вниз головой, ему пришло действительно неприятное открытие: пока он не исправит поломанные отношения с Холдом, вернуться к семье в эмоциональном смысле будет практически невозможно. А ведь на нем огромная ответственность перед ними, его женой и сыном, особенно в последние три месяца. Хотя, стукнула идея по голове, может быть, вступая в эту заведомо проигрышную войну, он как раз таки пытается дистанцироваться от проблем с Лилит? Этот вопрос ненадолго затормозил Нила, окунув в сгусток сомнений. Правда, к сожалению, не то что ответ – сам вопрос им был отодвинут в ящик, провоцируя странное раздражение сродни чувству всецелой беспомощности. Так что по одному делу за раз, решил для себя Нил. Уверен, многие из нас с вами знают, как трудно порой быть выше личных обид и всех неприятных составляющих конфликта, особенно когда присутствует фактор времени, где, словно вино с годами, изначальные причины лишь крепчают.

Я пойду

В каком-то смысле для Холда возрождение работоспособности «Фелисетта» являлось укреплением позиции не только для будущих проектов, но и плацдармом, где ему откроется возможность позволить себе шаг в сторону примирения с сыном путем перелопачивания многих эмоциональных моментов. Хотя ранее ему казалось, что именно совместный процесс воскрешения конструкции сможет растопить между ними ледяную стену, что, как вы понимаете, дало противоположный эффект. Первый и последний на данный момент разговор по душам вышел даже близко не тем, на что рассчитывал Холд. Однако стоит признать наличие фундаментальной ошибки – он не учел контекста в десять лет. Многого надо наверстать, очень многое. Правда, глобальная цель придает львиную долю сил игнорировать внутренние эмоции в угоду правильной расстановке приоритетов, но... будем честны, все же Холд – человек, а не робот, он может ошибиться. И вот, придя к блоку связи, он быстро осмотрелся и обратился к Лилит, вновь сидевшей на том же месте, где в прошлый раз мы видели ее с Нилом.

– Докладывай.

Лилит спокойно развернулась на кресле. В этот момент подошел Нил и занял позицию в стороне между ними. По их лицам Лилит прочла остаточный эффект уже известной неравной битвы.

– Ну, что сказать: технически проблем не нашла, а вот программное обеспечение страдает, как и жесткие диски. Похоже, здесь лет сто ничего не обновлялось. Связь с «Шарлоттой» скоро налажу, а вот самостоятельно на контакт с остальным миром пока не выйдем – тут была парочка спутников, но их еще найти надо и понять, в каком состоянии они находятся.

Холд кратко кивнул в раздумьях.

– Я думала, будет хуже. Но все, что нужно, у меня есть, даже с запасом. В период рассвета технократии Центр Развития Технологии делал все на века, не то что сейчас. Хотя самого ЦРТ уже нет, но мысль понять не трудно.

В этот момент в Ниле стрельнула зависть: Лилит чуть ли не властвовала, держась профессионально и уверенно, даже позволяя себе разные колкости при таком человеке, как Холд. Еще один камень в свой огород, хотя, опять же мчались мысли, что вполне естественно иметь перед родителем большее повиновение, нежели перед чужим человеком.

- Тарелка в порядке?

- Да, как минимум на диагностическом уровне. Плюс, я мельком глянула систему безопасности. - Лилит кивнула в сторону Нила, тот опирался как раз на пульта управления. - Камеры видео? и аудиозаписи присутствуют, но их очень мало - всего четыре штуки, строго на вход, выход, коридор и лифт. А самое интересное - это отсутствие жестких дисков. Кто-то их вынул и забрал. А поставить наши не могу из-за все той же пропасти между технологиями. Надеюсь, вы привезли свое видеонаблюдение, чтобы везде глаза были?

- Август тебе их выдаст.

- Лишние руки будут кстати.

Лилит не интересовалась перебоями с энергией строго из упрямства - сами должны разъяснить. Как ранее уже уточнялось, профессионализм и работа были ее панацеей от всех жизненных тягб, коих к этому моменту набралось с приличным избытком.

- В чем была причина перебоев? - спросил Август в тот момент, как появился в проходе, сразу же обращаясь к Холду.

- Как там Нора? - выскочил из Холда свой вопрос, заставив Нила и Лилит переглянуться с особым кратким посылом, но он сразу же добавил: - Как Максим, дети в порядке?

- Да, все хорошо, спасибо! - Ответ звучал скорее дружески.

- «Хорошо» - это самое главное. Делайте связь, - кивнул он Лилит, - а мы займемся внешним источником энергии. Оказывается, здесь установили пару ветряных мельниц и солнечные батареи. Первые работают, они почему-то не

были подключены к общему реактору, а вот солнечные батареи на крыше не отвечают на команду. Возможно, какая-то поломка.

– Значит, идем! – неожиданно резко, даже для него, вышло у Нила. – Сделаем все с тобой.

– Может, лучше мне пойти? – обратил на себя внимание Август, чуть выйдя вперед, при этом звучало несколько заученно. – При всем уважении, мы с Нилом куда моложе. Сэр, вам незачем рисковать.

Для одних подобное звучало бы истинным уважением, для других – почти что оскорблением, а вот Холд принял это за вызов. Пусть разум и понимал мотивы, но характер из принципа не мог позволить кому-то принять на себя труд, который он якобы не способен исполнять. Взгляд его почти успешно скрывал метаморфозу удивления с последующей защитой собственного авторитета.

– Я пойду.

Думаю, вы понимаете, как он это произнес: твердо, жестко, будто бы решил судьбу мира. Такое не оспаривают – лишь преклоняются. Но Август был не промах – чуть подумав, он несколько раз кивнул и, обратившись еще и к Лилит, предложил свою помощь. А он, Нил, вот-вот потерял бы шанс наконец-то поговорить с отцом, увидев в этой вылазке идеальный шанс для закрытия старых, не тронутых ранее вопросов, а то без этого он уже и не представляет адекватное время на «Фелисете». Даже более того, что, разумеется, крутится в его голове, словно комок колючей проволоки: если не закопать топор войны, то все скопленное годами, скорее рано, чем поздно, взорвется, принеся непоправимый ущерб им всем. Основной же причиной такого усердия служило желание избавиться от гнетущего чувства слабости и покорности перед отцом, будто бы Нил до сих пор ребенок, пытающийся доказать свою самостоятельность вызовами, упрямством и борьбой с авторитетом. А он, на минуточку, не ребенок, уже причем давно, только вот осталось утвердить это раз и навсегда перед Холдом, доказав в первую очередь самому себе, что человека, которым он был при последней встрече с отцом десять лет назад, уже давно не существует. На вопрос, хочет ли он тем самым доказать это и самому себе, ответ даже не нуждается в уточнении.

Повезло с погодой

Погода будто бы специально утихомирилась, даже легкого дуновения не присутствовало, а снег всецело поддавался гравитации. В каком-то неясном смысле этот покой казался Нилу зудом в затылке из-за слишком уж стерильного окружения, без отвлекающих от тяжелой темы грядущего разговора факторов. Благодаря шлему, чья металлическая защита покрывала лишь затылок, можно было разглядеть все вокруг, особенно если отключить вывод показателей на бронестекле. Хотя, что уж мечтать, если бы не включенные фонари на скафандрах и приборах ночного видения в шлемах, то звездное небо даровало бы идеальную красоту мира.

Холд шел первым, Нил – чуть позади, между ними был страховочный трос, основной же прикрепили к установленной лебедке у стены, справа от входа. Саму ее, эту лебедку с дополнительными тросами и разным инструментом, заблаговременно поставила наша группа, предусматривая выходы на планету. Благо идти было недалеко: надо было лишь добраться до правой стороны базы, если смотреть на нее от звездолета, там с торца должна быть лестница. Привезенные новые костюмы были утеплены и прошиты крепче некуда, а с современным термобельем комфорт был обеспечен даже для самого взыскательного характера.

– Повезло с погодой. Когда спутники настроим, то получим все сводки.

Да, это было неуместно, Нил все еще подбирал слова, ища правильный подход, ну а Холд держался так же непробиваемо, как и всегда. Они подошли к краю базы, завернули за угол и, пройдя ближе к скале, увидели утопленную вглубь лестницу прямо на крышу. Холд дернул одну ступеньку, другу, третью – вроде бы, на первый взгляд, все цело.

– Похоже, Лилит была права, делали и правда на века, – уже более сконцентрированно сказала Нил, подойдя ближе. – Я пойду первым, проверю состояние.

Но Холд лишь как-то странно на него посмотрел и, сразу же уцепившись за лестницу, начал восхождение. Ворча про себя из-за характера Холда, Нил последовал за ним, ощущая, как наполняется недовольство, вот-вот должно дать ему правильный толчок для реализации затеи. Сам же подъем прошел

совсем уж без неурядиц, даже слишком спокойно и легко, думалось Нилу, когда тот залез на крышу. Как?то по?особенному ощущался открывшийся простор с крыши «Фелисетта», пусть лишь чернота вокруг, но легкость и свобода в странных смыслах так и кричали со всех сторон. Холд в это время уже осматривал заснеженную солнечную панель почти во всю ширину центрального строения.

– Я хочу извиниться. – Нил знал, что такая формулировка привлечет внимание, пусть на самом деле извиняться ему было и не за что. – Ты правильно услышал. Да, я хочу извиниться перед тобой.

Не подавая вида, Холд отчетливо слышал сына, интенсивно копаясь в небольшом контактном блоке, где были предохранители и можно провести прямую диагностику плат. Нил же стоял прямо, спиной к нему, и поглядывал то вдаль, туда, за звездолет, то на Холда, стоявшего на одном колене за диагностикой.

– Я вел себя не совсем... Это было непрофессионально, признаю. Ты бы знал, как я удивился, когда увидел твое имя в приказе. Даже не поверил – думал, может, однофамилец там, хрен его знает, почему нет. Ты объявился, блин, без звонка! Хоть бы написал, что тебе нужны мы, – могли бы в таком раскладе пресечь элемент неоднозначности.

Нил говорил с трудом, но уверенность потихоньку возрастала с каждым словом. Для него это было так, словно он взбирался в гору, чтобы скинуть царя зверей с трона. Да, такое у него было сравнение, что не сильно удивительно, зная весь контекст крайне неоднозначных и авторитарных отношений.

– На самом деле меня это удивило – твоя скромность, если можно так выразиться. Я был уверен на все проценты, что когда ты захочешь вновь вернуться в мою жизнь, то выбьешь дверь ногой и заявишь о себе, словно долбаный завоеватель. Отчасти это даже радовало: твой приход был бы сразу в лоб, без игр и хитрости. Хах, тут я удивился, ничего не скажешь. Я бы спросил, чего ты ожидал на самом деле от всего этого, но... знаю, бессмысленно – тебя, Холд, всегда хрен поймешь. Это я усвоил с годами. Ты даже не представляешь, как долго я пытался честно тебя понять. Все твои решения и действия... искал оправдания, представлял иной контекст. Да я даже думал в момент, что это в маме было дело...

На этих словах Холд встал, посмотрел на сына опять же непонятным тому взглядом и показательно уставился вдаль, куда?то в сторону корабля. Они были похожи на двух путешественников, плечом к плечу изучавших грядущий путь к некоей очень далекой цели. В определенном смысле так же можно описать и их внутреннее состояние, даже если они и не признаются в этом. Нил же решил продолжить, борясь с зудом в затылке:

– Знаешь, как помню я: первые лет десять?двенадцать было круто, пусть я постоянно болел, но мы были вместе. Мама меня лечила, заодно обучая помаленьку тонкостям медицины. Мы были прям командой!.. – Нил немного осекся, мысль о том, что подобного не случилось в его семье, кольнула прямо в сердце. – А потом ты пропал. Мама с трудом переживала этот... разрыв, измену, или... я так и не узнал, в чем причина. Но через год ты вернулся, вроде все стало налаживаться, она перестала мне врать о причинах твоего ухода. Но, к сожалению, уже ничего не вернулось в прежнее русло. Что в целом ожидаемо, но только я?то был ребенком, не знал еще всех правил. Как ты думаешь, – начал Нил, сделав шаг ближе, но Холд не смотрел на него, взгляд был направлен вдаль, – обоснованно подросток ненавидит отца за его внезапно говенный характер?! Когда ты вернулся, может, ты и не помнишь, но мразью той еще стал. Разочарование в родителях ребенок помнит долго. Это очень сильно влияет на становление, на себе познал. Я даже не знаю, откуда в тебе цинизм, жажда контроля, пфф, чуть не забыл, паранойя такая... бухал ты тогда знатно, ой знатно! Как же я тебя ненавидел... а знаешь, когда я стал тебя презирать?

Холд повернул голову и с тяжелыми глазами ожидал ответа.

– Когда ты даже не пришел на ее похороны. А ведь она защищала тебя, оправдывала! Порой мы с ней ссорились из?за того, кем является глава нашей долбаной семьи! Я все делал, лишь бы залечить оставленные тобою раны! Ей было плохо, очень плохо, в определенный момент мне пришлось заботиться о ней, потому что депрессия и апатия убивали ее... Ребенок не должен таким заниматься. Она была трудным человеком, а после твоего ухода изменилась до неузнаваемости. Так что мне пришлось взрослеть, очень и очень быстро взрослеть, чтобы заботиться о ней. Как бы я ни пытался ее переубедить, она все равно любила тебя, а ты даже не пришел на ее похороны, и плевать, что уже пару лет к тому моменту ты опять где?то шлялся! Я искал тебя, что?то внутри меня еще грело надежду, но... – Нил выдохнул, махнув рукой, – что уж теперь. Остались вопросы, откуда мое отношение к тебе из говна слеплено?

Холд держал в себе очень многое, прилично больше, чем ожидал Нил в самых оптимистичных оценках.

– Я всегда любил твою маму. У меня не было ни одной другой женщины, кроме нее. Если ты хочешь услышать, как мне плохо без нее, то ты услышал.

Говорил он с трудом, выкорчевывая каждое слово из самых глубоких ям. Нил такого не ожидал, уж совсем не привычно было оголение отца, пусть и такое емкое. А вот дальнейшие слова Холда были под стать худшим ожиданиям:

– А теперь скажи мне, сын, зачем на самом деле мы говорим об этом? Она умерла двенадцать лет назад. Чуть-чуть – и познакомилась бы с Лилит, а вскоре и внука бы увидела... Но ты заговорил обо этом лишь сейчас.

– Ну смотри, если мы с тобой так и будем собачиться, дельного ничего не выйдет. Да и я не хочу, чтобы Максим видел то, что для нас уже стандарт! И еще напомни?ка мне, на какой ноте мы разошлись в прошлый раз? Да, я думал, Лилит разведется со мной, после...

– Мотив хороший, – Холд отсек личное, включив свой извечный прагматичный взгляд, – но ты либо лжешь мне, либо себе. Пытаешься поставить во главу проблем наши с тобой отношения, хотя в упор не замечаешь или не хочешь замечать, что должно тебя волновать на самом деле.

Даже не заметив, они почти столкнулись лбами.

– Мне хватило одного взгляда. Ты думаешь, никто не замечает, но видно за милую, что у вас с Лилит проблемы, как и с вашим сыном. Я не сильно удивлен, ты встретил ее через полгода после смерти матери. Это неприятно слышать, я прекрасно тебя понимаю, но ваши отношения изнача...

– Ты прав. – Перебить отца было приятно. – Но я не могу ничего поделать, пока мы с тобой не закроем все вопросы.

– Неправда. Я это знаю потому, что совершил когда-то такую же ошибку. И ты, хочешь признавай, хочешь нет, но факт неизменен, я уже говорил и еще скажу – ты повторяешь мои ошибки. Тебе проще злиться на меня и искать новые

отговорки, вместо того чтобы разобраться в своей жизни!

- Ты разочарован во мне из-за этого?

- Да. Ты слишком похож на меня.

Разговор был тяжелым, каждый ощущал больше ожидаемого и желаемого, находя все новые и новые ниточки для раскрутки старых комков, болью отдающих по всем нервам при одном лишь касании. Но будем честны: они и так сказали многое, это бы еще переварить правильно.

- Есть многое, что нам стоит обсудить, сын, но... мне поздно меняться, тебе - нет.

Нил не рассчитывал на такой исход, да и вряд ли кто-то на его месте мог даже близко предположить, насколько изначальное желание перемирия обернется обесцениванием второй стороной этой самой войны. Ведь его еще и упрекнули, удивляется Нил, вновь ощущая себя недостаточно умным и сильным перед отцом, возвышавшимся над всей его жизнью. Он уже давно не ребенок, но этот человек вновь и вновь будто бы меняет реальность, заставляя вернуться в прошлое, доказывая незначительность претензий, а следовательно, и чувств Нила. Не стоит дальше копать состояние сына, он и сам еще не все осознал, пусть и так ясен основной итог: Холд вновь переиграл его. Причем на самом деле, если подумать, разве отец не был прав насчет сына? Был, конечно же, был, но это как минимум не избавляло Нила от, мягко говоря, дискомфорта, вызванного Холдом. А как максимум - его снова поставили на место, ткнув в очевидное перед носом. А значит, может, и правда стоит сменить акцент?

Но кое-что неожиданно не просто не дало Нилу завершить битву - да хоть на какой-то ноте, а почти лишило его главного противника всей жизни. Но, думаю, самый приткий читатель уже понял, что на самом деле Нил и был самым своим главным противником. А вот прародитель этой борьбы, по велению необсуждаемой стихии Аттона и по причине банального несоблюдения техники безопасности, на глазах сына упал с крыши, приземлившись спиной вниз прямо перед входом в «Фелисетт».

Что случилось?

Это было очень странно: в Ниле сейчас попеременно работали две стороны. То эмоциональная, вынуждающая чуть ли не плакать от переживания за отца, вот?вот, кажется, должно умереть прямо здесь, уходя из этого мира с сожалениями от невозможности исправить ошибки, осознание коих всегда приходит слишком поздно. То, к счастью для Холда, вторая, профессиональная, чуть ли не математически точный механизм, давший силы уверенно спуститься вниз и без паники делать свое дело. Хотя стоит признать, грань между пламенем и холодом была слишком уж хаотичной. Но сначала, откуда?то точно зная о бессознательности Холда, он взглянул на показатели здоровья, отражаемые на небольшом экране правого предплечья. Если бы были переломы или открытые раны, то все это было бы отражено – но, к счастью, ничего критичного. Подхватив тело под мышки, Нил с трудом потащил отца к входу, благо тот был близок. Открыв дверь и занеся тело волоком вовнутрь, сразу же побежал искать помощь в лице Августа. Почему он не использовал обычную радиосвязь в скафандре, чтобы позвать кого?то на помощь, так и останется для него вопросом без ответа. Не прошло и пары минут, как они подняли тело Холда и положили его на центральное из трех операционных мест в медицинском блоке.

– Как он упал?! – требовательно и с волнением спросил Август.

– По тупому, вот как! Не отвлекай!

И тут, на пике эмоций, случилось странное, причем непосредственно для Нила и никого более. Но, чтобы это объяснить, обязательно стоит усвоить: он профессионал, из тех людей, кто вполне доверяет инстинктам в критических ситуациях, где нет и секунды на лишние раздумья. Как и отец, сын умело выдерживал любое напряжение и прессинг, оставаясь в реальности с умением принимать сложные и ответственные решения в своей области деятельности. Все это уточнение важно для понимания той шокирующей для него растерянности от вопроса, заданного Лилит:

– Что случилось?

Она перед ним, глаза ищут признаки активности. Но испытываемый шок исходил не от смысла вопроса: тут все было ясно и понятно, четче некуда. Суть в том, как

этот самый вопрос соединил две временные точки, схлопнув события между ними так быстро, словно прошла секунда, а не полчаса. Нил дернул головой, увидел перед собой озадаченную его состоянием Лилит, позади нее уже сидел на койке Холд, живой и невредимый, с накинутой курткой поверх тела, также не оставивший без внимания нашего запутавшегося доктора. А в руках у доктора был планшет, который он крепко сжимал обеими руками, будто бы пытался пальцами продавить пластичный экран. Вокруг более никого не было, а створки в медблок были закрыты.

Почему же этот вопрос был так важен? А все просто: сначала Нил услышал его в момент, как снял шлем и увидел бессознательное лицо отца. Тогда в нем проснулся защитный механизм, детали которого сотканы из давно спрятанной любви к папе за небеспричинной ненавистью и презрением. Как это часто бывает, в момент все рассеялось, оставив лишь яркие фундаментальные чувства к родителю. За свою карьеру с таким он не сталкивался: всегда были чужие люди, абстрагироваться от которых было проще простого, – а тут папа, и эту слабость перед примитивными инстинктами он еще в будущем припомнит себе, причем не в лучших тонах. Но, к счастью, как в старой поговорке, глаза боятся – руки делают.

Тогда Холд быстро пришел в себя, а значит, серьезных повреждений головы нет, да и никаких травм толком не присутствовало: все же снег и костюм сыграли отличную партию. Но, думаю, вас, как на самом деле и Нила, волнует вопрос: почему метафоричное пробуждение случилось именно сейчас, после вопроса Лилит, ранее который она задала лишь полчаса назад?

Довольно странно получилось: оба раза этот вопрос Нил услышал в невероятно эмоциональный и страшный момент, связанный с отцом. Первый уже известен – бессознательное лицо родителя, вот?вот, возможно, и погибшего бы на его руках. А вот второе... Нил не понимает, как так получилось, даже не может уловить точный момент принятия на веру того, что придется – именно придется – сказать отцу. Это открытие, пока еще умалчиваемое, для Нила оказалось невероятно важным, отчего и будто бы приоритетнее, нежели причина первой временной точки, так комплексно подчеркнутой вопросом Лилит.

Итак, вопрос был задан. Нил посмотрел на Лилит, потом на Холда.

– Оставь нас наедине, пожалуйста, – тихим и немного растерянным голосом попросил он жену. Чуть поразмыслив, она повиновалась, переглянувшись с

неприступным Холдом. Створки вновь закрылись, отец и сын остались вдвоем.

– Я сильно переживал за тебя, – с каким-то непривычным волнением сказал Нил, находясь все так же у стола, в полутора метрах от койки Холда.

– Не стоило, – вырвалось в ответ будто бы заученно, в ожидании более значимой информации.

– Может, и не стоило, – уже увереннее и явно смирившись, начал Нил, – но придется еще попереживать, хочешь ты этого или нет.

Холд ожидал. Нил еще больше развернул обратно свое изначальное отношение.

– Ты... когда у врача обследовался последний раз? Дай угадаю – давно. А чувствуешь себя как? Хотя, наверное, ты и не скажешь мне правду. Но у меня тут твои анализы крови, слюны, как и...

– Говори давай, не тяни!

Очередной бросок Холда – и снова в цель. Вот же упрямый старик, думал про себя Нил, даже отчасти радуясь этому отношению.

– Ты болен. Смертельно. У тебя болезнь Крейтцфельдта-Якоба. Поражена кора головного мозга. Ожидается потеря координации, зрения, слуха, речи и...

– Хватит!

Для него это было так, словно он выпил самый едкий и мерзкий яд, но не убивающий мгновенно, нет, а превращающий его в ужасное умирающее создание. Он смотрел в глаза сына и не знал ничего, кроме вышеупомянутой раздирающей изнутри извращенной боли.

– На самом деле нам повезло, – продолжил Нил чуть более заботливо, – возможно, еще есть шанс. Но у меня недостаточно оборудования.

На этих словах Холд показательно и громко слез с койки, приземлившись ногами на пол. Сделал глубокий вздох, забегал глазами по сторонам, а после недолгой

паузы в тишине посмотрел на Нила странным взглядом примирения с примесью благодарности. Даже такой негиббемый человек все же оказался не всесильным. Нил впервые видел отца в таком... человеческом состоянии. Сложно кому-то говорить о наличии смертельной болезни, а слышать такое – еще сложнее. Хотя тут допускается спор, но сейчас не об этом. Мир вокруг все же не замер на месте, а продолжал жить. Лилит постучалась в дверь, отчего Нил даже вздрогнул. После ее ухода тяжесть момента была почти осязаема, эмоциональный груз так и заполонил все вокруг, но в мгновение она же это и разрушила.

– Связь с «Шарлоттой» есть. Ты просил сразу же сообщить, – сказала Лилит нейтрально с другой стороны двери.

– Сейчас иду, – моментально ответил Холд, ухватившись за открывшуюся возможность отложить страшное известие. Посмотрев на Нила вроде бы и благодарными глазами, какими обычно хотят передать то, к чему не могут подобрать слова, он загасил в себе непреднамеренный порыв слабости, просто уйдя. Нил остался один все на том же месте. Откинув планшет Холда, он сложил руки на груди и зажался, с трудом переваривая случившееся, выстраивая всю цепь причин и следствий, чтобы перестать чувствовать неизвестно откуда взявшуюся, совершенно ему непонятную, но беспричинную вину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/chirkov_nikita/felisett

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)